

Я.В. Васильков

ПТИЦЫ-РАЗВЕДЧИКИ НАД ВОДАМИ: РАСШИРЕННЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ ИЗ МОТИВОВ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МИФА О ПОТОПЕ¹

Ранее было установлено, что ближневосточный (месопотамский) и древнеиндийский мифы о потопе генетически связаны и обладают общей уникальной последовательностью мотивов [Васильков 2016]. Существенным различием является лишь то, что в индийских вариантах мифа отсутствует мотив выпуска героя мифа из корабля/ковчега птиц на поиски суши. В статье доказывается, что миф о потопе с мотивом птиц-разведчиков мог быть известен индийцам в эпоху цивилизации долины Инда. По данным древнеиндийских и античных письменных источников прослеживается многовековая практика использования индийскими мореходами птиц-лоцманов для навигации. Изображения корабля с птицами на нем из Мохенджо-даро в Индии, с острова Файлака в Персидском заливе и из Шуруппака в Южной Месопотамии дают повод поставить вопрос о возможности бытования мифа о потопе на путях международной морской торговли в северо-западной части Индийского океана в третьем тысячелетии до н.э.

Ключевые слова: миф о потопе, Месопотамия, Древняя Индия, Персидский залив, практика навигации, птицы-лоцманы, международная морская торговля, Индийский океан, III тыс. до н.э.

В статье, посвященной сопоставлению индийского и месопотамского мифов о потопе, я уже вкратце рассказал о мотиве птиц, поочередно выпускаемых протагонистом из ковчега/корабля на поиски земли. Он присутствует почти во всех ближневосточных версиях мифа, но отсутствует в санскритских источниках. Если не считать этого мотива, структура ближневосточного и древнеиндийского мифов о потопе совпадает настолько, что можно считать их генетически связанными, по существу, вариантами одного мифа. Однако есть основания утверждать, что и мотив птиц-разведчиков в связи с мифом о потопе был известен индийцам начиная с харапской эпохи ([Васильков 2016: 191–194]; ср. также: [Vassilkov 2014: 276–278]). В статье будет представлена вся аргументация, подводящая нас к такому утверждению.

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 14-06-00247.

Из ближневосточных версий наиболее известна, разумеется, библейская история потопа (Бытие 6–8). Когда вода потопа, уничтожившая все древнее человечество, начала спадать, Ной «выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушалась земля от воды». Иными словами, ворон не улетал далеко от ковчега, оставался поблизости; а согласно позднейшим иудейским, мусульманским и некоторым христианским версиям мифа, он садился на тела утопленников и клевал их². Затем Ной «выпустил голубя... Но голубь... возвратился в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли». Через семь дней он снова послал голубя, тот возвратился вечером, держа в клюве свежий масличный лист, «и Ной узнал, что вода сошла с земли». Прошло еще семь дней, Ной снова выпустил голубя, «и он уже не возвратился к нему».

В аккадской версии мифа из эпоса о Гильгамеше также есть эпизод отправки птиц на поиски земли, но последовательность иная. На седьмой день после того, как утихла буря, Утнапиштим выпустил голубя, но тот вернулся, нигде не найдя суши. Затем он выпустил ласточку, вернулась и она. Третьим полетел ворон, который не вернулся, и Утнапиштим понял, что на земле есть уже достаточно места для высадки [Эпос о Гильгамеше 1961: 77].

К сожалению, глиняные таблички, содержащие две более древние версии месопотамского мифа: шумерскую поэму о Зиусудре и аккадскую (старовавилонскую) об Атрахасисе³, повреждены в средней части, поэтому мы не можем быть уверены, что в этих версиях наверняка присутствовал мотив выпуска птиц. Но это кажется нам весьма вероятным. Во всяком случае, в версии мифа о потопе вавилонянина эпохи эллинизма, историка Бероса, использовавшего древние шумерские источники, протагонист мифа Ксисутрос (= шум. Зиусудра) выпускает трех птиц, в числе которых есть и голубь, и ворон.

С тех пор как появилась статья Джеймса Хорнелла о роли птиц в древней навигации [Hornell 1946], господствует мнение, что мотив птиц в ближневосточном мифе о потопе отражает реальную навигационную практику. Оказавшись в открытом море и не имея возможности из-за туч или тумана найти направление по звездам, мореплаватели прибегали к помощи «высматривающих берег» птиц. Часто ссылаются при этом на историю из «Саги о взятии Земли» (“Landnámabók”) о том, как норвежский викинг Флоки Вильгердарсон, отправляясь в море, чтобы найти открытую ранее шведом по имени Гардар Исландию, взял с собой трех посвященных Одину воронов в клетке. Первый из них, будучи выпущен, полетел назад, к Фарерским островам, откуда отплыл Флоки. Двигаясь далее на запад, Флоки выпустил затем второго ворона, который, не найдя земли, вернулся на корабль. Только третий ворон устремился вперед, и Флоки, следуя за ним, около 874 г. вторично открыл Исландию⁴.

² Это можно видеть, например, на мозаике со сценами потопа в нартексе венецианского Собора св. Марка.

³ Тремя именованиями (Зиусудра, Атрахасис и Утнапиштим) обозначается один и тот же мифологический персонаж.

⁴ См.: Сага о взятии земли. URL: http://heimskringla.no/wiki/Landn%C3%A1mab%C3%B3k_-_

Эта навигационная практика вышла из употребления с началом использования магнитного компаса и вследствие христианизации Северной Европы [Hornell 1946: 146; Brown 1979: 126–127].

Для нас, впрочем, гораздо важнее примеры использования этой практики в регионе, близком к тем краям, где бытовал наш миф о потопе. Все свидетельства относятся к водам у западного побережья Индийского субконтинента.

Наиболее ранним таким свидетельством является рельефное изображение на одной из сторон трехгранной отформованной терракотовой таблички, найденной в одном из поздних слоев Мохенджо-даро [Dales 1965: 147]. Здесь представлен корабль с сидящими на нем двумя птицами (см. ниже рис. 1). Несомненно, это не фантазия художника, но, как и все изображения на индских печатях и амулетах, исключительно мифологический образ. И этот образ, очевидно, связан с реальной практикой древних мореходов, использовавших птиц для того, чтобы найти берег, когда нет возможности ориентироваться по звездам или когда плавание совершается в неведомом прежде море.

Примечательно, что *мохана*, племя рыбаков и лодочников, плавающих и сейчас по реке Инд, использует суда, очень схожие с тем, которое изображено на табличке из Мохенджо-даро. Не исключено, что *мохана* являются потомками хараппцев. Обращенные в ислам, они тем не менее до недавнего времени поклонялись богу реки Инд (*Дарья Пир* или *Дарья Сахиб*), его изображали в виде антропоморфного божества, восседающего на рыбе, а его обитель, как и обитель шумерского Энки, имеющего символом рыбу, помещалась глубоко в пучине вод, откуда он время от времени насылал на землю потопа [Thakur 1959: 17–21]. Сейчас *мохана* — речники, и им нет надобности использовать птиц или другие навигационные средства, чтобы найти берег. Примечательно, однако, что и в начале XX в. они настаивали, чтобы в качестве обращения к ним использовался эпитет *мир бахар* — «владыка моря» [Rose 1914: 124]. В прошлом они вполне могли быть истинными «владыками моря», поддерживавшими древние навигационные традиции. Известно, что после того как Индская цивилизация в городской форме прекратила свое существование, жители ее областей, прилегающих к океану, на протяжении многих столетий продолжали заниматься морской торговлей. Ведущий специалист по связям Индии со странами, лежащими к западу от нее, Клаус Карттунен считает, что на протяжении «ведийского» периода жители приморских областей Синда, «определенно остававшиеся вне круга ведийской культуры», вполне могли участвовать в морских контактах с Месопотамией [Karttunen 1989: 28]. Подобным же образом индийский историк Ромила Тхапар пишет, что после заката городской культуры Хараппы «западная Индия сохраняла связи с приморскими областями на западе, а именно (с берегами) Персидского залива и Красного моря. Этим еще резче обозначалось различие тех путей, по которым шло развитие в долине Инда и в долине Ганга» [Thapar 1984: 25].

Мореходы Синда и Гуджарата и в постхараппский период вполне могли использовать птиц в качестве разведчиков или лоцманов, но такое предполо-

Fj%C3%B3r%C3%B0i hluti (дата обращения: 18.12.2016); Hrafn-Flóki — The Exodus from Norway. URL: <http://www.sagamuseum.is/overview/hrafn-floki> (дата обращения: 18.12.2016).

жение не подкрепляется фактами. Однако для других областей Индии у нас есть исторические данные, не оставляющие сомнений в том, что индийским мореходам эта практика была известна на протяжении многих столетий.

Наиболее ранним источником, свидетельствующим о применении птиц-лоцманов, является *Tinutaka* (*Tipitaka*), «Три корзины», — канон южного буддизма (Хинаяны) на языке пали. Здесь эта практика упоминается дважды, и оба раза в центральной части *Tinutaki* — *Суттанутакке* («Корзине сутр»). Один эпизод содержится в первом разделе *Суттанутакки* — *Дигханикае* («Свод долгих сутр»). Здесь (Дигханикая 1.11) Будда рассказывает монаху по имени Кеватта (*Kevaṭṭa*) или Кеваддха (*Kevaḍḍha*)⁵ историю другого монаха. Тот искал ответа на вопрос: где, когда и при каких условиях четыре основных элемента природы: вода, огонь, ветер и земля — исчезают без остатка? Сначала он задал этот вопрос богам из свиты «Четырех Великих Царей», т.е. четырех Хранителей сторон света (*lokapāla*). Эти боги не знали ответа и направили его к самим Четырем Великим Царям как вышестоящим и более сведущим. Эти тоже не знали ответа на вопрос и отослали монаха к Тридцати трем богам, т.е. к богам из окружения Сакки (в индуизме — Шакры, или Индры). Не могли ответить и Тридцать три бога, которые направили любознательного монаха к самому Сакке, царю богов. Тот также не мог помочь, и посоветовал обратиться, как к более сведущим, к богам мира Ямы. Они, в свою очередь, послали монаха к своему повелителю — Суяме (т.е. к Яме). Не получив ответа от Суямы, монах посетил затем по очереди трех других правителей разных «миров богов» (девалока): Сантуситу, главу богов мира Тусита, Саннимиту, главу богов мира Нимманарати, и Васаватти, главу богов мира Паранимиттаवासати. Последний отослал монаха к богам наивысшего из «миров богов» — мира Брахмы, а те, в свою очередь, — к самому Брахме, великому богу, который, как они убеждены, знает все. Но Брахма тайком от своего окружения смущенно признался монаху, что и он ответа не знает. Он посоветовал тому вернуться на землю и задать свой вопрос Будде.

Будда, прежде чем ответить на вопрос монаха, описывает ситуацию, в которой тот оказался, с помощью особого сравнения. Для этого сравнения в палийской традиции даже есть специальный термин: *tīradassisaṅgaṇapatā* — «сравнение с берегсмотрящей птицей». Вот слова Будды:

«Как-то раз, о монах, некие купцы-мореходы (*sāmuḍḍikā vāṇijā*), взяв с собой берегсмотрящую птицу (*tīradassim saṅgaṇam*), на корабле в море отплыли. Когда с корабля не видно было земли, они выпускали берегсмотрящую птицу. Она летела на восток, летела на юг, летела на запад, летела на север, летела вверх и в каждом из промежуточных направлений⁶. Если она где-то видела берег, летела прямо туда. Если же не видела нигде берега, возвращалась на тот корабль. Так и ты, монах, искавши ответа на свой вопрос (езде) до самого мира Брахмы и ответа не получив, теперь вернулся ко мне» (Дигханикая 1.11.497).

Наконец, Будда дает монаху ответ на его вопрос: все первоэлементы «лишаются опоры» и исчезают в сознании *архата*, когда он посредством йоги пресекает активность разума.

⁵ Вот почему этот текст в разных списках называется *Kevaṭṭasutta* или *Kevaḍḍhasutta*.

⁶ То есть на юго-восток, северо-запад и т.д.

Это «сравнение с берегсмотрящей птицей» являлось, по-видимому, стандартной формулой. Мы снова встречаемся с ним в другом разделе той же *Суттапитаки* — *Ангуттараникае*. Здесь есть сутра «Дхаммика» (Ангуттараникая 6.5.12), называемая так по имени ее центрального персонажа. Монах Дхаммика грубо вел себя по отношению к новоприбывшим в его монастырь монахам, осыпал их бранью, нападал на них, и за это был изгнан из монастыря. Он перешел в другой монастырь, но за грубость и агрессивность был изгнан и оттуда. Подобным же образом его изгнали из всех монастырей его родного округа. В отчаянии он пришел к Будде, который спросил его: «Откуда ты держишь путь?» Дхаммика ответил, что на родине его изгнали из всех семи монастырей. Будда сказал: «Полно, брахман⁷ Дхаммика! Теперь, когда ты пришел ко мне, стоит ли печалиться о том, что тебя прогнали из тех мест?» И Будда привел ему притчу: «Как-то раз, о брахман Дхаммика, некие купцы-мореходы (*sāmuddikā vāṇijā*), взяв с собой берегсмотрящую птицу (*tīradassim sakunaṃ*), на корабле в море отплыли. Когда с корабля не видно было земли, они выпускали берегсмотрящую птицу. Она летела на восток, летела на юг, летела на запад, летела на север, летела вверх и в каждом из промежуточных направлений. Если она где-то видела берег, летела прямо туда. Если же не видела нигде берега, возвращалась на тот корабль. Точно так, брахман Дхаммика, там и сям подвизавшись, ты отовсюду был изгнан и вот пришел ко мне» (Ангуттараникая 6.5.12.369).

Сопоставив отрывки из *Дигханикаи* и *Ангуттараникаи*, мы видим, что перед нами практически один текст. Единственное различие — в обращении («монах» и «брахман Дхаммика»), варьируется также последнее предложение, в котором Будда описывает обстоятельства, приведшие к нему нового ученика⁸. Жестко формульный характер текста этого развернутого сравнения (или притчи) уже свидетельствует о том, что практика использования «берегсмотрящих птиц» была хорошо известна индийцам в период формирования этих разделов канона. А поскольку *Дигханикая* и *Ангуттараникая* принадлежат к числу наиболее ранних канонических текстов, то их свидетельство об этой навигационной практике можно датировать V или IV в. до н.э.

⁷ Обращение Будды к буддийскому монаху (бхиккху) как к брахману вызывает недоумение комментаторов. Возможно, это напоминание Дхаммике о его происхождении из варны брахманов. Однако Будда говорил: «Я не называю человека брахманом только за его рождение». Возможно, Будда видит в Дхаммике скрытые великие возможности и «авансом», предвидя будущее, называет его «брахманом» в своем понимании («Я называю брахманом того, кто свободен от привязанностей»; «В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман» [Дхаммапада 1960: 124–127]).

⁸ Приводим здесь текст притчи о птице по *Дигханикае* с разночтениями по *Ангуттараникае* в квадратных скобках: “Bhūtapubbam, bhikkhu [A: brāhmaṇa dhammika], sāmuddikā vāṇijā tīradassim sakunaṃ gahetvā nāvāya samuddaṃ ajjhogāhanti. Te aṭṭradakkhīniyā nāvāya tīradassim sakunaṃ muñcanti. So gacchateva puratthimaṃ disaṃ, gacchati dakkhiṇaṃ disaṃ, gacchati pacchimaṃ disaṃ, gacchati uttaraṃ disaṃ, gacchati uddhaṃ disaṃ, gacchati anudisaṃ. Sace so samantā tīraṃ passati, tathāgatakova hoti. Sace pana so samantā tīraṃ na passati, tameva nāvam paccāgacchati.

Evameva kho tvaṃ, bhikkhu, yato yāva brahmalokā pariyesamāno imassa pañhassa veyyākaraṇaṃ nājjhagā, atha mamaññeva santike paccāgato. [A: Evamevaṃ kho, brāhmaṇa dhammika, yaṃ tam tato tato pabbājenti so tvaṃ tato tato pabbājito mameva santike āgacchasi]”.

Примерно к тому же времени можно отнести информацию, содержащуюся в известной «Баверу-джатаке» (№ 339), текст которой был впервые опубликован И.П. Минаевым [Минаев 1870: 232–233, 237–239]. Баверу — это индийское название Вавилона. Джатака повествует о том, как индийские купцы прибыли в страну Баверу, где «тогда не было птиц», и по баснословной цене продали местным жителям ворону, которую они держали на корабле. Фразу палийского текста *Tadā ekacce vānijā disākākaṃ gahetvā nāvāya baverurattham agamamsu* И.П.Минаев перевел как «В то время некие купцы, поймав ворону, на корабле приплыли в страну Баверу», однако дал к слову *disākāka* такое концевое примечание: «*Disākāka* = скр. *diç* и *diçā* — страна света, может быть, ворона при плавании указывала им на страны света?» Но палийское слово *disā* означает и «направление». Учитывая это, можно понять *disākāka* и как «ворона, указывающая (правильное) направление» (ср. перевод Е. Слушкевича: “Orientierungskrähe” [Słuszkiewicz 1980: 117]). По мнению К. Карттунена, в «Баверу-джатаке» нашли отражение, скорее всего, морские контакты Индии с Месопотамией в период империи Ахеменидов, т.е. с VI по IV в. до н.э. [Karttunen 1989: 27–28]. Впрочем, фольклорный сюжет, использованный в джатаке, может восходить и к более раннему времени.

Другое ценное свидетельство оставил нам известный римский ученый Плиний Старший. В 24-й главе шестой книги своей «Естественной истории» он описывает мореходную практику жителей Тапробаны (Шри Ланки) и, в частности, замечает: «Навигация по звездам невозможна — Большая Медведица не видна; но моряки берут с собою птиц и, время от времени выпуская их, следуют в том же направлении, что и они, ибо те летят к суше» (пер. А.А. Вигасина [Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002: 312]⁹).

Следует учесть, что это наблюдение не относится ко времени жизни самого Плиния Старшего, т.е. к I в. н.э. Потому что, завершив данный абзац, Плиний в начале следующего пишет: «Вот и все, сообщенное древними...», — а далее излагает более близкую к нему по времени информацию, которая была получена от посольства правителя Тапробаны к императору Клавдию. Очевидно, что сведения об использовании моряками Тапробаны птиц-лоцманов Плиний позаимствовал у кого-то из своих предшественников. Высказывалось предположение, что таковым мог быть Дионисий, посол царя эллинистического Египта Птолемея II Филадельфа ко двору императора Ашоки [Вигасин 1999: 34–41; 2007: 196–202; Древний Восток 2007: 14]. В таком случае информация о птицах-лоцманах у берегов Тапробаны восходит к середине III в. до н.э. Но есть и другое, не менее обоснованное предположение, что Плиний заимствовал рассказ о навигационной практике моряков Тапробаны у Онесикрита, участника индийского похода Александра Македонского. Будучи кормчим флотилии Непарха (327–325 гг. до н.э.), Онесикрит вполне мог получить эту информацию от моряков Синда (Непарх использовал их в качестве местных лоцманов [Karttunen 1997: 127]). Таким образом, информация Плиния может восходить к источнику IV в. до н.э.

Джеймс Хорнелл в упомянутой статье [Hornell 1946] привел цитату с неопределенной ссылкой на некую работу Т.У. Рис-Дэвидса: «Косма Индико-

⁹ Ср. другой перевод (Г.А. Тароняна) в книге: [Древний Восток 2007: 107].

плевст обнаружил тот же обычай на Цейлоне в VI в. н.э.: купцы (в своих плаваниях) полагались на берегсмотрящих птиц (*shore-sighting birds*), а не на наблюдения за солнцем и звездами». В работе, гораздо более близкой к нам по времени, автор сообщает уже без всякой ссылки: «Согласно Косме Индикоплевсту, цейлонские моряки практиковали этот же прием в VI в. н.э.» [Patai 1999: 11]. Казалось бы, это дает основания сказать, что использование моряками южных и западных берегов Индии птиц-разведчиков свидетельствуется источниками на протяжении тысячи лет: от IV века до н.э. по VI век н.э. Но, к сожалению, ни в работах Т.У. Рис-Дэвидса, ни в «Христианской топографии» Космы Индикоплевста источник этой цитаты обнаружить не удалось. Можно предположить, что кто-то просто неправильно понял то место во второй книге «Топографии», где моряки, увидев, как большая стая морских птиц летит к берегу, усматривают в этом предвестие сильного шторма и спешат укрыться в ближайшем порту.

Но если даже эти отсылки к Косме Индикоплевсту ошибочны, мы все равно можем предполагать, что использование «берегсмотрящих» птиц моряками Индии практиковалось на протяжении многих столетий, начиная, возможно, с периода Хараппской (Индской) цивилизации. Эта практика засвидетельствована индийскими (буддийскими) и античными письменными источниками на протяжении второй половины I тыс. до н.э. В это время приморские области большей частью еще оставались за рамками ведийско-брахманской культуры, и это может объяснить, почему мотив птиц-лоцманов неизвестен санскритским источникам того времени. Но впоследствии некоторые мотивы, связанные с морем, начали проникать в тексты санскритской литературы, главным образом тогда, когда в нее стали вливаться всякого рода сказки и басни, в конечном счете фольклорные, но прошедшие через светскую городскую культуру. В восьмой книге Махабхараты, Карнапарве, мы встречаем примечательную в этом отношении сказку или притчу (Мбх VIII. 28).

Царь Шалья, обращаясь к Карне, сильнейшему воителю в войске Кауров, советует ему не вступать в бой с Арджуной, главным бойцом противной стороны, Пандавов, потому что по силе и по воинскому искусству Карна перед ним как ворона перед лебедем. Для пояснения этого Шалья рассказывает ему притчу. Некогда одна ворона жила по соседству с домом богача, и дети этого богача обычно кормили ворону остатками от своих яств. От такой привилегии ворона очень возгордилась и стала презирать других птиц, которые сами должны добывать себе пищу. Однажды она увидела, как опустилась на морской берег стая перелетных птиц — лебедей. Подстрекаемая детьми, уверившими ее в шутку, что она превосходит всех пернатых, ворона вызвала одного из лебедей на состязание в полете, пообещав продемонстрировать при этом сто известных ей способов. Лебедь ответил, что он полетит лишь одним способом, который известен всем птицам. Они полетели над морем, и ворона на первом этапе действительно выделяла всевозможные трюки, тогда как лебедь спокойно и равномерно летел *на запад, все дальше и дальше от берега, в океан*. Вскоре ворона отстала, выбилась из сил и начала снижаться. Не видела она под собой ни островка, ни деревца, где можно было бы сесть, и ею овладел ужас, лишивший ее последних сил. А лебедь, заметив, что ворона

ослабела и почти тонет, задержался в полете, дождался ее и спросил: «Что это за новый способ, коим ты сейчас летишь, то и дело задевая воду крыльями и клювом? О таком способе полета ты нам не говорила». Тут ворона покаялась в своей гордыне и умоляла лебедя спасти ее. Тогда благородный лебедь схватил ее лапами, подкинул вверх, поймал на спину и отнес на сушу [Махабхарата 1990: 103–107].

Сказочные сюжеты такого рода проникают в эпическую Махабхарату на достаточно поздней стадии становления ее текста. Притча о вороне дает нам основание полагать, что примерно в IV или V в. н.э. жители западного побережья Индии (к которому явно приурочено действие притчи) все еще имели четкое представление о природе вороны как сугубо сухопутной птицы, боящейся моря и стремящейся, оказавшись вдали от берега, поскорее найти берег на горизонте или палубу корабля, на которую можно опуститься. Иными словами, ворона оставалась в их глазах идеальной «берегсмотрящей» птицей. Следовательно, использование таких птиц засвидетельствовано письменными текстами на протяжении почти тысячелетнего периода.

Что все это дает для истории мифа о потопе? По крайней мере, то, что в Индии эта навигационная практика была длительное время известна. Судя по хараппскому изображению корабля с птицами, изначально мотив отправки птиц на поиски суши присутствовал не только в ближневосточном, но и в индийском мифе о потопе. Однако он не был воспринят ведийско-брахманской традицией или не прижился в ней, поскольку эта традиция формировалась в «Срединной стране» (*Madhyadeśa*), удаленной от моря. В представлении брахманов море было туманной и враждебной стихией. В брахманизме рано закрепилось представление о том, что дваждырожденный, путешествуя за море, подвергает себя наихудшему осквернению.

Если практика использования птиц-разведчиков и соответствующий мотив как элемент мифа о потопе были известны в Индии в эпоху Индской цивилизации, то Индия встает в ряд тех стран, которые могли бы претендовать на статус родины этого мифа. До окончательного решения вопроса о том, пришел ли миф о потопе в Индию с запада или в Месопотамию с востока, еще далеко. Разрешить его могут только новые археологические материалы. Но уже и сейчас известны некоторые находки, которые следует учитывать при обсуждении данной проблемы.

Прежде всего это уже упоминавшееся изображение на трехгранной терракотовой табличке из поздних слоев Мохенджо-даро.

Однако подобные изображения встречаются и в некоторых других областях северо-западной части Индийского океана, где образовались первоначально региональные сети морской торговли, впоследствии соединившиеся в международную торговую сеть.

В IV и первой половине III тыс. до н.э. существовали три таких региональных сети. Во-первых, это торговая зона Красного моря и Аденского залива, которая соединяла Египет с Южной Аравией и Восточной Африкой. Во-вторых, торговая зона Персидского залива, соединявшая древнейший Шумер с *Дильмуном* (современные острова Бахрейн и Файлака, а также соседняя с ними часть побережья Аравии) и *Маганом* (современный Оман), где

Рис. 1. Корабль с двумя птицами. Рельефное изображение на терракотовой табличке. Мохенджо-даро. 2100–2000 гг. до н.э. [Dales 1965: 147; Сообщение об исследовании протоиндийских текстов 1972: 346, табл. 8]

добывали медь¹⁰. Наконец, это зона ранней Хараппы на северо-западе Южно-азиатского субконтинента, по суше простиравшаяся на север до Бадахшана, на юг до Катхиавара, а на западе использовавшая протогородские центры восточного Ирана как посредников в сухопутной торговле с Месопотамией. Очевидно, велась в это время и прибрежная морская торговля с Катхиаваром и с северным побережьем Аравийского моря. Однако около середины III тыс. до н.э. зрелая Индская (Хараппская) цивилизация установила прямые морские контакты с торговыми центрами Персидского залива и с Месопотамией. Таким образом, произошло слияние двух региональных торговых сетей. Дильмун выступал при этом и как страна-посредник, и как склад, перевалочная база для индийских купцов, которые во второй половине III тыс. до н.э. регулярно посещали Месопотамию и имели там свои поселения [Vidale 2004].

В начале II тыс. до н.э. цивилизация долины Инда прекратила свое существование или вошла в «трансформационный процесс деурбанизации» [Fuller et al. 2012: 547]. В то же самое время месопотамская торговая зона «сжалась до одних лишь прямых контактов с посредниками из Дильмуна» [Ratnagar 2003: 83]. Однако сеть морской торговли в северо-западной части Индийского океана не распалась. Напротив, она парадоксальным образом расширилась, поскольку в орбите товарообмена между Индией и Персидским заливом оказалась теперь и торговая зона Красного моря — Аденского залива. Именно в это время индийские мореходы достигли Северо-Восточной Африки. На это указывает то, что в это самое время некоторые виды африканских культурных растений были занесены в Южную Азию. Их первое появление в Пенджабе относится еще к заключительной фазе зрелой Хараппы, однако большинство находок было сделано на археологических памятниках II тыс. до н.э. [Fuller et al. 2012: 546, рис. 1]. В тот же период азиатское просо и индийский бык зебу совершают путешествие в обратном направлении: из

¹⁰ «На обоих берегах Персидского залива найдена южномесопотамская керамика периода Убейда (IV тыс. до н.э.), а к началу III тыс. шумеры, по-видимому, достигли уже Оманского залива, где в погребениях находят расписную керамику типа Джемдет-Наср» [Ratnagar 2001: 259–260]. Среди самых древних найденных в Месопотамии письменных документов (урукский период, 3500–2900 гг. до н.э.) есть несколько, в которых упоминается о далекой стране Дильмун [Podany 2014: 23].

Рис. 2. Круглая каменная печать с острова Файлака в Персидском заливе (1600–1500 гг. до н.э.; по: [Hilton 2014: fig. 276])

На этой печати тоже изображен корабль с двумя птицами, сидящими на носу и на корме, но смотрят они не в противоположные стороны, как на печати из Мохенджо-даро, а обе вперед, по движению судна. По мнению Роберта Нейлэнда, это, скорее всего, деревянное судно, отличное от примитивных месопотамских и дильмунских тростниковых лодок или плотов [Neyland 1992: 70]. В центре корабля — мачта с длинным прямоугольным парусом. Слева от нее — персонаж высокого статуса, восседающий на подобии трона, с какими-то символическими атрибутами в руках; справа от мачты другой персонаж стоит, молитвенно сложив руки и глядя вперед, по ходу корабля. Что касается птиц на носу и на корме, Р. Нейлэнд [Ibid.: 72] склонен принять предложенную ранее интерпретацию этого мотива в связи с использованием птиц-лоцманов в навигации [De Graeve 1981: 179], однако он приводит и альтернативное объяснение, предложенное ему в личном сообщении Дж.Ф. Дэйлсом, который ссылаясь на дожившую до наших дней в этом регионе практику использования специально обученных птиц для рыбной ловли. Это объяснение кажется нам неубедительным, поскольку не вписывается в общую ситуацию, изображенную на печати: это корабль бога, или героя, а не рыбацья лодка. Кроме того, печать с Файлаки надо рассматривать в общем контексте с печатью из Мохенджо-даро и особенно с шумерской печатью из Фары (рис. 3).

Печать была найдена при раскопках, производившихся Германским обществом востоковедения в Фаре (древний Шуруппак) в 1902–1903 гг., впервые опубликована В. Андре в 1931 г. [Heinrich 1931: Tafel 56, VA 6700]. На ней мы видим справа от центрального, божественного или царственного, персонажа плывущую по водам ладью и в ней двух «пассажиров», сидящих на скамьях лицом к лицу, а за спиной одного из них — кормчего с рулевым веслом. Эта конкретная «сцена плавания в лодке» (boating scene), выделяющаяся

Южной Азии морем в Йемен и Восточную Африку [Ibid.: 547]. В этой сети международной морской торговли, которую Ширин Ратнагар назвала «уникальным примером доиндустриальной мировой системы» [Ratnagar 2001], важную роль играла цивилизация Дильмуна, достигшая в эту пору пика своего развития: «Максимальное число печатей Персидского залива относится к периоду после 2000 г. до н.э.» [Ratnagar 2003: 83].

Именно таким временем датируется печать с острова Файлака (рис. 2; см. о ней: [De Graeve 1981: 179; Kjærum 1983: № 351; Neyland 1992: 70–72; Hilton 2014: fig. 276]), составляющая явную параллель к табличке из Мохенджо-даро.

Рис. 3. Цилиндрическая печать из Фары (древний Шуруппак). Раннединастический период II (по: [Martin 1988: 278, № 554])

среди многих других, давно уже интерпретировалась рядом ученых в связи с мифом о потопе. Справа от центрального персонажа — композиция, представляющая еще один международный мотив: «Хозяина зверей» (“Master of Animals”) в обычном окружении двух львов [Costello 2010] (варианты этого мотива известны в глиптике Элама и цивилизации долины Инда).

Первым, кто усмотрел на этой печати сцену потопы, был Ж. Контено. Он поместил на обложке своей книги [Contenau 1952] фигуру центрального персонажа и сцену в лодке, охарактеризовав это в целом как изображение «вавилонского Ноя, спасающегося от потопы» (“Le ‘Noé babylonien’ échappant au Déluge”). Спустя несколько лет британский орнитолог Эдвард Армстронг воспроизвел прорисовку Контено в собственной книге и охарактеризовал ее композицию со своей профессиональной точки зрения следующим образом: «Ворон возвращается на ковчег, и вавилонский Ной выходит (на сушу)» [Armstrong 1958: fig. 51]. Но если приглядеться к изображенному на печати внимательнее и с учетом уже известных вариантов мотива из Мохенджодаро и Файлаки, можно увидеть, что не только одна птица («ворон») садится на корму, но, скорее всего, другая птица (образ поврежден) взлетает с носа корабля.

Особую убедительность интерпретации печати из Шуруппака в свете мифа о потопе придает то обстоятельство, что в шумерской традиции именно Шуруппак был городом, где происходили события мифа о потопе и царем которого, согласно «Царскому списку», был Зиусудра. Более того, археологи обнаружили в Шуруппаке толстый «слой потопы» (нанесенного водой песка или глины), относящийся к концу Раннединастического периода I¹¹, т.е. по «средней хронологии» к 2700 г., а по «короткой хронологии» к 2600 г. до н.э. В изобразительном искусстве Шуруппака «сцены плавания в лодке» пользовались особой популярностью, и некоторые из них могут быть связаны с сюжетом потопы (см., напр.: [Martin 1988: 278, № 550, 552, 557]; ср. также барельеф периода РД-IIIа: [Saggs 2000: 41, fig. 14]).

Время создания интересующей нас печати из Шуруппака — РД-II, по

¹¹ Следует, правда, отметить, что подобные слои на различных шумерских памятниках «то и дело обнаруживались в стратиграфических контекстах, варьировавшихся по времени от убейдского периода в Уре до конца раннединастической эпохи в Кише» [Ллойд 1984: 104].

«короткой хронологии» около 2600–2500 гг. до н.э.¹² При этом надо учесть, что Х. Мартин причислила эту печать к изделиям «элегантного стиля», более характерного для ранней фазы РД-II [Martin 1988: 72, 80].

Из трех рассмотренных печатей, изображения на которых как бы «иллюстрируют» миф о потопе, печать из Шуруппака (Фары) является старейшей. Она примерно на полтысячелетия старше печати из Мохенджо-даро и на целую тысячу лет — печати с острова Файлака. Если учесть также приуроченность действия месопотамского мифа именно к Шуруппаку, да еще и наличие «слоя потопа» в этом городе, мы, казалось бы, должны признать именно за шумерами приоритет в создании мифа о потопе вкупе с мотивом птиц-разведчиков. Кроме того, не только сами шумеры, но и их предшественники (а возможно, и предки), люди культуры Убейда, совершали плавания в пределах Персидского залива с торговыми целями еще в конце VI — V тыс. до н.э.¹³ Следовательно, корни шумерских знаний о море и способах навигации в нем могут быть очень древними. Но есть некоторые обстоятельства, не позволяющие с уверенностью сказать, что миф о потопе с мотивом птиц-лоцманов, скорее всего, зародился в Месопотамии и оттуда морским путем проник в Индию.

Дело в том, что люди культуры Убейда, а вслед за ними и шумеры могли плавать по Заливу только в обмазанных битумом тростниковых лодках¹⁴ и только вдоль побережья. Звездное небо над головой в течение всего года давало им прекрасную возможность ориентации в случае удаления от берега. Едва ли они нуждались в птицах для того, чтобы найти кратчайшую дорогу к суше. Между тем именно во время, близкое к предполагаемой дате изготовления шуруппакской печати, т.е. к начальной фазе РД-II (около 2600–2550 до н.э.) в Персидском заливе уже могли появиться настоящие мореходы — индийцы. Потому что в самом начале последующего периода РД-III в царских гробницах Первой династии Ура (2500–2425 гг. до н.э.) засвидетельствованы уже импортные изделия и материалы (золото, лазурит, сердолик) из Индии (Мелуххи), с которой, как писал И.М. Дьяконов, «портовый Ур с каких-то пор вел прибыльную прямую торговлю» [История Древнего Востока 1983: 179]. В царских гробницах Второй династии Ура (после 2425 г. до н.э.) уже появляются харапские печати [Wooley 1934: 333, 336, 356]. Находки, сделанные в течение последних двух десятилетий, привели специалистов к выводу о том, что начиная с периода РД-III в Месопотамии существовали поселения индийцев, занимавшихся импортом, обработкой и продажей полудрагоценных камней [Kenoyer 1997: 272; 1998: 97; Vidale 2004]. Основатель

¹² Или около 2615–2500 гг. до н.э., в том варианте «короткой хронологии», которого придерживались И.М. Дьяконов и его школа. См., напр.: [История Древнего Востока 1983: 162–163, 486].

¹³ В археологических контекстах этого времени по всему Заливу найдены остатки битумной обмазки тростниковых лодок и убейдская керамика. А в Ас-Сабийе (Кувейт) не так давно обнаружено на керамическом круглом черепке древнейшее в мире изображение лодки с двуногой мачтой для паруса [Carter 2006: 55, fig. 4; ср.: Cleusiu, Tosi 1994].

¹⁴ Первые сведения об использовании дерева для постройки кораблей относятся уже к аккадскому периоду, к III династии Ура (конец III тыс. до н.э.; см., напр.: [Cleusiu, Tosi 1994: 746]).

Аккадской династии Саргон (2316–2261 гг., по Дьяконову, или 2234–2278 гг., по Посселю) заявлял в своей надписи, что корабли Мелуххи (Индии), а также Магана и Дильмуна швартуются у причалов его столицы [История Древнего Востока 1983: 242; Possehl 2002: 218]. От позднеаккадского периода (около 2200–2113 гг. до н.э.) или от последующего периода III династии Ура (приблизительно 2113–2004 гг. до н.э.) дошла до нас печать некоего Шу-Илишу — переводчика с мелуххского языка [Оппенгейм 1980: 63, 349; Possehl 2007].

Очевидно, что индийская торговля с Месопотамией развивалась и расширялась на протяжении всей второй половины III тыс. до н.э., но довольно резко оборвалась где-то на рубеже II тыс., что можно поставить в связь с упадком и гибелью цивилизации долины Инда («зрелой Харappy»). Вообще в морской торговле между Индией и Месопотамией инициатива, несомненно, принадлежала Индии. Если в Месопотамии найдено довольно много печатей, изделий и материалов индийского происхождения, то в Индии не найдено пока ничего, неоспоримо признанного импортом из Месопотамии [Karttunen 1989: 11–14] (за исключением разве что месопотамского типа бочкообразных гирек для весов, которые могли принадлежать харappским торговцам-мореходам). По контрасту можно отметить, что на индийских памятниках найдено шесть дильмунских печатей [Possehl 2002: 227].

В силу всего этого мы не можем исключить возможность проникновения мотива птиц-лоцманов вместе с соответствующей мореходной практикой из харappской Индии в Южную Месопотамию несколько ранее середины III тыс. до н.э. Полузабытым и переосмысленным отражением такой передачи вполне может быть вышеупомянутая «Баверу-джатака», рассказывающая о продаже индийцами вавилонянам «берегсмотрящей» вороны.

Что касается самого мифа о потопе, месопотамский и древнеиндийский варианты которого мы признали генетически связанными [Васильков 2016], то Северо-Западная Индия по своим природным условиям могла бы претендовать на роль его родины с таким же правом, как и Южная Месопотамия. Весь бассейн Инда и вливающихся в него рек — это аллювиальная равнина, образованная бесчисленными «слоями потопа». Город Мохенджо-даро был построен на гигантской искусственной платформе для защиты от разливов Инда. Эти «потопы» обычно вызывались тем, что течение в верховьях блокировалось ледниками или сходом лавин. В историческое время опустошительные разливы этой мощной реки повторялись через каждые пять или семь лет [Possehl 2002: 7, 51, 101].

Учитывая все вышесказанное, мы не рискуем назвать родиной мифа о потопе ни Месопотамию, ни Индию. Современное состояние наших знаний позволяет сказать только, что миф о потопе, скорее всего, проник с запада на восток или с востока на запад по великому пути морской торговли, который связывал цивилизацию долины Инда, торговые центры Персидского залива и города древнего Шумера в III тыс. до н.э.¹⁵

¹⁵ Я глубоко признателен Харриет Мартин и Роберту Нейланду, приславшим мне электронные копии своих работ, а также Труды Кавами, которая обратила мое внимание на печать с острова Файлака. Благодарю В.В. Емельянова за полезные беседы на темы месопотамского мифа о потопе. Ответственность за ошибки, которые могут быть выявлены в этой части ра-

Библиография

Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. Индия и античный мир. М.: Восточная литература, 2002. 369 с.

Васильков Я.В. Месопотамский и древнеиндийский мифы о потопе: случайны ли сходства? // *Tamiḷ tanta paṛicu*. Сборник статей в честь Александра Михайловича Дубянского. М.: Перо, 2016. С. 172–198. (*Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. LXIII).

Вигасин А.А. Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // *Вестник древней истории*. 1999. № 1. С. 20–41.

Вигасин А.А. Древняя Индия: от источника к истории. М.: Восточная литература, 2007. 392 с.

Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия) / Подбор текстов, пер. с древнегреч. и лат., примеч. и аннот. указ. Г.А. Тароняна; введение А.А. Вигасина. М.: Ладомир, 2007. 628 с.

Дхаммапада / Пер. с пали, введение и коммент. В.Н. Топорова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 158 с.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая: Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М.: Наука, 1983. 534 с.

Ллойд С. Археология Месопотамии / Пер. с англ. Я.В. Василькова и И.С. Клочкова; послесл. Н.Я. Мерперта. М.: Наука, 1984. 282 с.

Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва) / Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука, 1990. 326 с.

Минаев И.П. Новые факты относительно связи древней Индии с западом // Журнал Министерства народного просвещения. Август 1870. Часть СХLX. С. 225–239.

Оппенгейм А.Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, 1980. 408 с.

Сообщение об исследовании протоиндийских текстов: *Proto-Indica* 1972. М.: Наука, 1972. 377 с.

Armstrong E.A. The Folklore of Birds. L.: Collins, 1958. 272 p.

Barnett R.D. Early Shipping in the Near East // *Antiquity*. 1958. Vol. XXXII. P. 220–230.

Brown L.A. The Story of Maps. N.Y.: Dover Publications, 1979. 397 p.

Carter R. Boat remains and maritime trade in the Persian Gulf during the sixth and fifth millennia BC // *Antiquity*. 2006. Vol. 80. No. 307. P. 52–63.

Cleusiu S., Tosi M. Black boats of Magan: some thoughts on Bronze Age water transport in Oman and beyond from the impressed bitumen slabs of Ra's al-Junayz // *South Asian Archaeology 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University 5–9 July 1993* / Eds. A. Parpola and P. Koskikallio. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. Vol. II. P. 745–761.

Contenau G. Le deluge Babylonien. Ishtar aux enfers. La tour de Babel. P.: Payot, 1952. 267 p.

Costello S.K. The Mesopotamian “Nude Hero”: Context and Interpretation // *The Master of Animals in Old World Archaeology* / Ed. by P.B. Counts and B. Arnold. Budapest: Archaeolingua Alapítvány, 2010. P. 25–35.

Dales G.F. New Investigations at Mohenjo-Daro // *Archaeology*. 1965. Vol. 18. No. 2.

боты, лежит, однако, полностью на мне. Большое спасибо Наталии Янчевской и Елизавете Васильковой за помощь с необходимой, но труднодоступной литературой.

P. 145–50.

De Graeve M.-C. The Ships of the Ancient Near East (C. 2000 — 500 B.C.). Leuven: Departement Orientalistiek, 1981. 286 p.

Fuller D.Q., Boivin N., Hoogerworst T., Allaby R. Across the Indian Ocean: the prehistoric movement of plants and animals // *Antiquity*. 2011. Vol. 85. P. 544–558.

Heinrich E. Fara: Ergebnisse der Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Fara and Abu Hatab. 1902/03. Herausgegeben von W. Andrae. Berlin: Vorderasiatische Abteilung der Staatlichen Museen, 1931. VII, 153 S.

Hilton A. (ed.). Failaka/Dilmun. The Second Millennium Settlements. Vol. 4. The Stone Vessels. Moesgaard: Jutland Archaeological Society, 2014. 197 p.

Hornell J. The Role of Birds in Early Navigation // *Antiquity*. 1946. Vol. 20. P. 142–149.

Karttunen K. India in Early Greek Literature. Helsinki: Finnish Oriental Society, 1989. 296 p. (*Studia Orientalia*. Vol. 65).

Karttunen K. India and the Hellenistic World. Helsinki: Finnish Oriental Society, 1997. 439 p. (*Studia Orientalia*. Vol. 83).

Kenoyer J.M. Trade and technology of the Indus Valley: new insights from Harappa, Pakistan // *World Archaeology*. 1997. Vol. 29. No. 2. P. 262–280.

Kenoyer J.M. Ancient Cities of the Indus Valley Civilization. Karachi: Oxford University Press; American Institute of Pakistan Studies, 1998. 260 p.

Kjærum P. Failaka/Dilmun — The Second Millennium Settlements. Vol. 1. The Stamp & Cylinder Seals. Aarhus: Aarhus University Press, 1983. 171 p.

Martin H.P. Fara: A Reconstruction of the Ancient Mesopotamian City of Shuruppak. Birmingham: Chris Martin and Associates, 1988. 319 p.

Neyland R. S. The seagoing vessels on Dilmun seals // *Underwater archaeology proceedings from the Society for Historical Archaeology Conference at Kingston, Jamaica 1992* / Eds. D.H. Keith, T.L. Carrell. Tucson, AZ: Society for Historical Archaeology, 1992. P. 68–74.

Patai R. The Children of Noah: Jewish Seafaring in Ancient times. Princeton: Princeton University Press, 1999. 224 p.

Podany A.H. The Ancient Near East: A Very Short Introduction. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014. 168 p.

Possehl G.L. The Indus Civilization: A Comparative Perspective. Walnut Creek; Lanham; N.Y.; Oxford: Altamira Press, 2002. 276 p.

Possehl G.L. Shu-ilishu's Cylinder Seal // *Expedition*. 2006. Vol. 48. No. 1. P. 42–43.

Rose H.A. A Glossary of the Tribes and Castes of Punjab and the North West Frontier Province. Vol. III. L.-Z. Lahor: "Civil and Military Gazette" Press, 1914. 1188 p.

Saggs W. F. Babylonians. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. 192 p.

Shuszkiewicz E. Pāli Bāveru 'Babylon' // *Rocznik Orientalistyczny*. 1980. T. XLI. Z. 2. P. 107–117.

Thakur U.T. Sindhi Culture. Bombay: Bombay University Press, 1959. 250 p.

Thapar R. A History of India. Harmondsworth: Penguin Books, 1984. Vol. I. 381 p.

Vassilkov Ya. Some Observations on the Indian and the Mesopotamian Flood Myths // *The Black and the White: Studies on History, Archaeology, Mythology and Philology in Honor of Armen Petrosyan on Occasion of His 65th Birthday* / Eds. A. Kosyan, Ye. Grekyan, A. Bobokhyan. Yerevan, 2014. P. 262–281. (*Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2013–2014. Vol. VIII. Issues 1–2).

Vidale M. Growing in a Foreign World: For a History of the "Meluhha Villages" in Mesopotamia in the 3rd Millenium BC. // *Melammu Symposia IV*. A. Panaino and A. Piras (eds.). Milano: Università di Bologna & Isiao, 2004. P. 261–80. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/5597989/M._Vidale_Growing_in_a_Foreign_World_For_a_History_of_the_Meluhha_Villages_in_Mesopotamia_in_the_3rd_Millennium_BC (дата обращения: 28.09.2016).

Woolley C.L. Ur Excavations. Vol. II. The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931. L.: The British Museum Press, 1934. 604 p.